

Porter, Robert

Поэтика повести Валентина Распутина "Прощание с матерой"

In: *Genologické studie. I.* 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 1991, pp. 211-220

ISBN 8021001240

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132263>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПОЭТИКА ПОВЕСТИ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА "ПРОЩАНИЕ С МАТЕРЬЮ"

Robert Porter (Bristol, Velká Británie)

В заключении своей книги "История Советского Союза" (A History of the Soviet Union, 1965) профессор Джеффри Хоскинс пишет: "Кажется, мы приближаемся к критическому этапу, когда надо будет принять самые важные решения, как и в 1921-ом, 1929-3, 1953-6-ом годах, из-за того, что черты "послетоталитарного" общества так тесно связаны друг с другом; изменения, когда они наступят, вероятно, наступят очень быстро, а последствия пойдут довольно далеко".¹ В своей книге "Советская русская литература после Сталина" (Soviet Russian Literature since Stalin, 1978) Деминг Браун утверждает, что "короткие формы прозы имеют склонность к возникновению при ускоренных социальных или культурных изменениях, когда порождаются новые подходы к человеческим отношениям, нравам и социальному поведению, но они еще не достигли всеобщего признания".²

Если принять во внимание предположение Хоскинса и обобщение Брауна, то можно сделать вывод, что эти короткие литературные формы - рассказ и повесть - пользовавшиеся особым успехом в течение последнего десятилетия, будут продолжать процветать и в последующие годы. Повести и рассказы Валентина Распутина оцениваются критиками всех политических сторон - и в Советском Союзе и на Западе - как одни из самых лучших произведений, появившихся в Советском Союзе в послевоенное время. Будем надеяться, что если и предстоят в Советском Союзе радикальные общественные изменения, то они только придадут этому писателю новые силы. Его блестящая повесть "Прощание с Матерью" вышла в 1976 году, но с тех пор его рассказы и статьи являются до некоторой степени разочарованием. Несмотря на это, его достижения в жанре повести - выдающиеся. Здесь невольно возникает вопрос: лучше произведения Распутина - действительно повести или скорее они стоят ближе к жанру романа?

В словаре дается следующее определение повести: "Повесть - это литературное повествовательное произведение с сюжетом менее сложным, чем в романе".³ Но есть, конечно, и другие определения этого литературного жанра. Например:

"Но повесть? Ее значение, тайна ее владычества, теперь деспотического, взнесенного, не терпящего соперничества? Что такое и для чего эта повесть, без которой книжка хурнала есть то же, что был бы человек в обществе без сапог и галстука, эта повесть, которую теперь все пишут и все читают, которая воцарилась в будуаре светской женщины и на пьсь-

менном столе записного ученого, наконец, эта повесть, которая как будто вытеснила самый роман?... Когда-то и где-то было прекрасно сказано, что "повесть есть эпизод из беспредельной поэмы судеб человеческих". Это очень верно; да, повесть - распавшийся на части, на тысячи частей, роман; глава, вырванная из романа. Мы люди деловые, мы беспрестанно суетимся, хлопочем, мы дорожим временем, нам некогда читать больших и длинных книг - словом, нам нужна повесть. Жизнь наша, современная, слишком разнообразна, многосложна, дробна: мы хотим, чтобы она отражалась в поэзии, как в граненом, угловатом хрустале, миллионы раз повторенная во всех возможных образах, и требуем повести. Есть события, есть случаи, которых, так сказать, не хватило бы на драму, не стало бы на роман, но которые глубоки, которые в одном мгновении сосредоточивают столько жизни, сколько не изложить ее и за века: повесть ловит их и заключает в свои тесные рамки. Ее форма может вместить в себе все, что хотите - и легкий очерк нравов, и холодную саркастическую насмешку над человеком и обществом, и глубокое таинство души, и жесткую игру страстей. Краткая и быстрая, легкая и глубокая вместе, она перелетает с предмета на предмет, дробит жизнь до мелочи и вырывает листки из великой книги этой жизни. Соедините эти листки под один переплет, и какая обширная книга, какой огромный роман, какая многосложная поэма составила бы из них!"

Интересно заметить, что это пишет не критик нашей эры, а Виссарий Белинский в 1835-ом году. Он прекрасно понимал сущность повести, когда писал свои знаменитую рецензию на повести Гоголя, но, интересно, как бы он реагировал на повести Распутина?

В своем предисловии к повестям Распутина Сергей Залыгин неоднократно ссылается на их "законченность", и это, кажется, отрицает утверждение Деминга Брауна, когда он пишет, что повесть или "короткие формы" обычно что-то не досказывают. Залыгин допускает, что повесть - "лаконичная", "выразительная". С другой стороны, "роман" намекает на "драму", "напряженность", "приключение". Тут, кстати, русское слово "роман" более выразительно, чем английский термин "novel". Таким образом, далее следует попытка обсудить иррациональный элемент в одной из распутинских повестей и стремление доказать, что термин "повесть" у Распутина используется только с натяжкой и что здесь мы скорее всего имеем дело с "романом".

Разумеется, иррациональный роман или фантастический роман имеет довольно прочную и длительную традицию в русской литературе. Самые последние примеры литературной фантастики включают "Альтюста Данилова" Орлова.⁶ В тридцать шестом номере Литературной газеты в этом году была дискуссия под названием "Фантастика: зрелость или старость?"⁷ С первого взгляда творчество Распутина

кажется реалистическим в традиционном смысле этого слова: герои его - лица из плоти и крови, существуют конкретные ситуации, произведения дают живое ощущение места и времени. Однако иррациональное является одним из главных элементов, усложняющих поэтику произведений Распутина. Эта иррациональность достигается благодаря введению в текст явлений, которые невозможно постигнуть разумом, которые не поддаются логике. Мистицизм, религия, магия, догадки, нераскрытые тайны - все эти элементы играют роль иррационального у Распутина.

В "Прощании с Матерой" иррациональное возникает по-разному, но главным образом оно касается Богодула, Хозяина, религиозных мотивов и лиственницы.

Во всех отношениях Богодул является тайной. Мы не знаем ни его статуса, ни происхождения его имени. Имя это или фамилия? По всей вероятности, это прозвище, как это констатируется в тексте⁸. Это имя произносится по-украински, на хохляцкий манер - "Богодул" а грамотные люди говорят "в сердцах", что он "Богохул". Он утверждает, что он поляк, но ни на каком языке, кроме русского, он не говорит, да и грубит он только по-русски. Он лишь иногда способен на связный разговор, но только со старухами. У читателя нет никаких непосредственных доказательств этому. Это прямая речь в основном состоит из одного грубого слова "хурва", да к тому же он заикается. Но все-таки этой грубостью он куда более выразителен, чем другие своим красноречием.

Здобавок мы не знаем ни возраста, ни истории Богодула. Есть некоторые намеки на то, что он был сослан в Сибирь за убийство, но такое скорее можно допустить в дореволюционной России, чем в советское время. Это внешность не меняется уже много лет, "будто бог задумал целью провести хоть одного человека через несколько поколений"⁹. Два мужика спрашивают друг друга во время разговора, не слыхал ли он у Петра Первого или Ивана Грозного.¹⁰

Что касается повседневной жизни, то здесь он стопроцентный чудак. Зимой он живет у разных старух в деревне, а летом он селится в колчаковском бараке. В том самом бараке, истории, как нам неоднократно напоминает, пользовался Колчак во время гражданской войны. Надо сказать, что здесь можно подразумевать антисоветизм. Колчак был знаменит тем, что совершал неистовства против всех, кто колебался поддерживать его. Чехский легион отказавшись от поддержки Колчака именно из-за его действий.¹¹ Таким образом, Богодул находится не только вне истории, но и вне советской власти.

Конечно, по внешности и образу жизни он напоминает "вродивого" русского села. Интересно заметить, что вродивые часто сближались с самыми солидными и уважаемыми людьми в обществе. Несмотря на то, что говорили они довольно грубо и вели себя неприлично, люди их уважали. И в этом Богодул близок к образу вродивого. Однако, как это нередко бывает у Распутина, Богодул обладает и другими чертами, связывавшими его с традиционным образом жизни в русской деревне, с фольклором, и эти черты спасают Богодула от судьбы стереотипа. Помните, как представители советской власти в конторе считают, что он "не человек - дедый", и, конечно, это объединяет его с "Хозяином острова". Кроме того, когда лесорубы пытаются уничтожить лиственницу, они предполагают сходство с Богодулом, ссылаясь на то, что Богодул "наш хозяин".¹³ Таким образом замыкается этот круг объединений. Связь между лиственницей и Богодулом подкрепляется еще и тем, что колчаковцы повесили двух изменников на этом дереве и бросили их тела в Ангару. (Кстати, тело Колчака также было сброшено в Ангару после того, как его расстреляли в 1920 году.)

Итак, Богодул вне закона, вне истории, его имя связывают с богохульством, его жилище - с изменой, и его статус как человека довольно спорный: Андрей говорит: "Это же не человек, это зверь!"¹⁴ Кажется, почти невозможно сочувствовать такому человеку. Но все-таки в какой-то степени он вмывает наше сочувствие. Во-первых, он единственный человек этого произведения, который не представляет никакой угрозы образу жизни старух острова. Он, как и они, не употребляет никаких алкогольных напитков в отличие от многих других мужчин в произведениях Распутина, а в "Прощании с Матерой" в отличие от Петрухи в особенности. Именно Богодул предупреждает старух о присутствии "чужих чертей", уничтожавших кладбище, это он сообщает Катерине о том, что изба Петрухи горит. Как и Хозяин, он видит и понимает гораздо больше, чем способен выразить. Значительным кажется то, что в последнем абзаце произведения Хозяин впервые издаст какой-то звук и впервые Богодул не может видеть из-за тумана. Внешне Богодул - насильственный и грозный человек, а здесь он бессилен и ближе к старухам, чем когда-либо раньше.

Разве можно сказать, что Богодул поступает рационально, если он почти не способен на человеческую членораздельную речь? Богодул действует скорее инстинктивно, все, что он любит и не любит, возникает стихийно и без компромисса. Он отвергает город так же, как он отвергает алкоголь. В сущности Богодул является воплощением этого иррационального, но в то же самое время цельного и гармоничного элемента человека. Имея в виду, что Богодул живет в тесном контакте с простодушными бабами, живет бок о бок с дикой природой (вспомним, как он "от снега до снега шлепал босиком")¹⁵ и что Богодул имеет близкие связи с другими мотивами в этом про-

изведения, по-моему, несправедливо утверждать, что "калоритен, но в общем-то излишен Богодул",¹⁶ как это делает известный критик Свчаренко.

Другие иррациональные элементы в "Прощании с Матерой", кажется, заслуживают большего внимания от советских критиков. В том же номере журнала "Вопросы литературы" Старикова пишет:

"Когда, читая "Прощание с Матерой", я впервые дошла до места, где вдруг среди забот о сене и картошке появляется Хозяин - то ли домовый обреченных на сожжение изб, то ли леший хранивший единство обитателей острова и его затопляемой земли, - я задрогнула от радости, от эстетического удовлетворения".

Она пишет дальше, что его появление - "это смелый выход из будничной обыденности в фантастику, сразу поднявший уровень поэтического повествования". Однако ей кажется, что его последнее появление, или точнее, его "прощальный вой" в конце произведения - это "халищная завершенность".¹⁷ Ей кажется, что аллегория слишком бросается в глаза. Нельзя не согласиться со Стариковой в том, что иррациональное усиливает поэтичность повести Распутина, что кажется высоких художественных качеств, которые Хозяин приносит с собой, то они остаются непоколебимыми до самого конца.

Его первое появление вызывает у читателя такой же шок, как вызывает приход мужиков, очищающих кладбище, у земных обитателей Матери. Но быстро вымывается то, что в отличие от этих "чужих чертей" из санэпидстанции, Хозяин давным-давно является неотъемлемой частью Матери, он все знает и все видит. Хозяин сознает самые мажорские звуки: "тяжкий, натужный скрип старой лиственницы" или "слабые замирающие или качнувшейся ветки". Это самое интересное свойство состоит в том, что он сознает конкретную жизнь, быт, физические явления. Беспokoит его "грозная бездонность неба", "он не любит смотреть в небо", "пускай туда смотрят и утешаются люди". В Хозяине есть существенная двусмысленность. С одной стороны, он дух, (но вполне возможно обсуждать, какие душевные качества человека он представляет.) С другой стороны, по-видимому, он отвергает надежды и мечты человека: "то, что они (люди) считают мечтами, всего лишь воспоминания... Мечтать никому не дано".¹⁸ Утешение приходит к Хозяину от того, что он видит и слышит вокруг. Хозяин не старается осмыслить это или построить из этого какую-то религиозную или философскую систему. В этом он очень близок к героине Дарье, чьи явно религиозные взгляды невозможно как-то определить или систематизировать. Возможно, что через взгляды Хозяина проходит идея необходимости избегать всех религиозных систем, построенных людьми.

Как и Богодул, Хозяин - бродяга, как и у Богодула, у Хозяина есть своя нора. Обычно его передвижения по острову не имеют ника-

кой определенной цели, но он часто посещает деревню, всегда начиная свой обход деревни с барака Богодула. Он обладает удивительной способностью предвидения, а предвидения обычно приписываются неземным существам, на прогнозы человека полагаться нельзя, так как они строятся на слишком зыбком фундаменте. Андрей настаивает на том, что "человек - царь природы",¹⁹ но он не имеет ни малейшего представления о существовании Хозяина и, кроме того, у него нет никакой твердой уверенности в будущем - ни в своем, ни в будущем своего общества. Если не считать прощального воя Хозяина, то он появляется в тексте еще два раза: когда горит изба Катерины, и как-то "со стороны", как маленький зверек, идет весь день за Дарьей, когда уничтожает ее избу. В русском фольклоре леший имеет много подобий. Время от времени он может появиться в образе человека, но чаще всего он похож на зверя. Однако общим элементом всех историй о леших является встреча между человеком и лешим. Интересно заметить, что в "Прощании с Матерой" такой встречи не происходит, никто не сознает присутствия Хозяина. Что касается Дарьи, то он старается смотреть ей в глаза, но, по-видимому, безуспешно. В фольклоре часто бывает, что леший угрожает или даже хулиганит. Есть довольно смешной пример, процитированный в одной из книг о русском фольклоре:

"Было время, годов 20 или 30 тому назад, не проходило ни одной ночи, чтобы не похалестился леший. Нельзя было выйти вечером или рано утром в лес на охоту: то поет песни, то лает собакой, то кричит птицей, и передевается всякими манерами; а то еще заведет куда-нибудь, что и не выйдешь... А ныне совсем его даже не слышать, если и случится, то совсем редко и то перед каким-нибудь несчастьем, а больше всего перед покойником - утопленником или удушенником"²⁰

Часто случается, что в фольклоре люди и лешие приходят к какому-либо договору. Но Хозяин Распутина просто смотрит, слушает и наблюдает незаметно. Вообще, в "Прощании с Матерой" люди не имеют никакого контакта с этой старческой духовной жизнью. В заключение надо отметить, что Хозяин - не совершенно сверхъестественное существо. Когда уйдут люди, уйдет и он. Их конец - его конец.

Религиозные мотивы, конечно, больше всего связаны с Дарьей, но об этом ниже. Невозможно избежать некоторой аналогии с историей Ветхого Завета о Потопе, Ное и ковчеге. Однако, в "Прощании с Матерой" мы видим другую версию библейской истории - лишение своих оригинальных утешающих черт. Ковчег - это новое село за водой - отвергнуто старухами Матерью. Потоп совершается не по велению

божьему или земному возмездию за человеческие грехи, а по утилитарным соображениям, которые Дарья и ее подруги просто не понимают. В "Прощании с Матерью" нет никого подобного Нюв, а Воронцов - этот бюрократ, занимающийся переселением народа - выглядит враждебно и лишен всякого сочувствия. В особенности явное отличие от истории Ветхого Завета отмечаем в конце, где после потопа нет никаких символов мира и этого завета бога с людьми - нет голубя и масличного листа (масличной ветки), нет радуги. Здесь мы видим общество, обреченное и покинутое, которое старается оказать сопротивление правящей над ним власти. Не удивительно, что советские критики, восхищаясь мастерством, все-таки стеснялись духа этого произведения.

Что за религия у Дарья? Можно сказать, что это смесь христианства, язычества и даже буддизма. Мать Дарья пришла "с бурятской стороны". Дарья молится не богу, а своим родителям, она чувствует, что бог находится внутри человека, а не на небе. Кажется, что ее почти не интересует жизнь после смерти. Сцена, где она мешает очистке кладбища или сцена, где она готовит свей избу к сожжению, доказывает, что она полностью отдана традиции и религиозному обряду, но ее вера никогда не снижается до уровня суеверия. Ведь обсуждая жизнь со своим другом Андреем, она показывает очень практичное, конкретное понимание духовных нужд человека:

"Путаник он несусветный, человек твой. Других путает - ладно, с его спросят. Да и хть он и себя до того запутал, не видит, где право, где лево. Как нарочно, все наоборот творит. Че не хочет, то и делает. Это не я одна вижу, что мне такие глаза дадены, и ты ежели посмотришь, увидишь. Приглядись, приглядись хорошенько. Ему смеяться вовсе неохота, ему, может, плакать надо, а он смеется, смеется..."

Этот обряд, который совершает Дарья, подготавливая свей избу к сожжению, лишь частично христианский. То, что она развешивает пихту по углам, очень напоминает и Вербное воскресенье, и Троицу из православного календаря (кстати, русские мужики называли Троицу "Зеленое"), и, конечно, язык в этой части произведения чисто церковный: "горящие свечи", "сладкое заунывное пение", "отрешенный, застывший лик". Однако Дарья не совсем ясно вспоминает обряд, она сочиняет свои собственные молитвы (как у староверов), а на другой день ее преследует леший, который по традиции относится к языческой мифологии. Вспоминается, что леший боится огня и железа (сибирские шаманы носили железо, чтобы защищаться от злых духов), и именно огонь и железо (новая технология) угрожают Дарье

и ее роду. На самом деле, образы христианства в "Прощании с Матерой" уравниваются языческими элементами, постоянным присутствием этих основных элементов древности: земля, огонь, воздух и вода.

Последним образом, относящимся к иррациональному, является лиственница или "Царь-листвен", который подлежит обсуждению ниже. Как и во многих других произведениях, в этом произведении (и у Распутина вообще) этот якобы неодушевленный предмет явно олицетворяется и имеет заостренное символическое значение. Местные люди называют его "царь". Он выглядит грозным и непобедимым. Кроме того, это дерево обладает божественными свойствами, так как в старину люди приносили ему подарки на Пасху или на Троицу (надо заметить, что здесь происходит смешение христианских и языческих поверий). Как было выше замечено, царь-листвен связан со смертью: колчаковцы повесили на нем двух мужиков; существует история о молодом парне, который вскопал поблизости в яму и не вернулся, а стал мужем русалки; молодая девушка, разочаровавшись в любви, повесилась на нем; мальчик упал с него и погиб. Опавшие листья под деревом автор называет "курганом".²³ Островитяне также верят, что корни царя-листвен прикрепляют Матеру ко дну реки и таким образом соединят Матеру со всей землей.²³ Матера будет жить, пока жив царь-листвен. Неудивительно, что после уничтожения своего дома, Дарья очутилась у этого дерева и долго сидела у этого символа Матери.

Этот царь-листвен, как символ, связывается с другими символами в произведении. Бросается в глаза то, когда "чужие" приходят срубить дерево, они говорят, что оно похоже на Богодула, но называют его "хозяином", связывая его этим с лесом. Не в силах уничтожить лиственницу ни топорами, ни бензином, ни бензопилой, мужики направляют свое бессмысленное насилие на близ стоящую березку. Тут мы уже видим насилие ради насилия, направленное против самой поэтики повести. (Здесь можно провести параллель со сценой в повести "Иван и помни", где дезертир Андрей убивает теленка). Все хорошо знает, что береза занимает особое место в русском фольклоре - о ней сложено множество песен, одну из которых мужики цитируют во время работы, она появляется и в пословицах, как, например, "У березы слезки текут, когда с нее кору дерут". Итак, эта неспособность постигнуть иррациональное ведет к бессмысленному насилию.

Эти четыре элемента: Богодул, Хозяин, религиозные мотивы, и царь-лиственъ - составляют иррациональное в повести. Они стоят на полпути между понятным и постигаемым, с одной стороны, и мистическим и неизвестным - с другой. Они как бы заставляют человека выйти за пределы самого себя. И в этом "Прощание с Матерой" является гораздо большим, чем простая полемика о проблемах окружающей среды. К тому же своей поэтикой (лишь один аспект которой обсуждался здесь) вместе со своими пестрыми, разнообразными лицами и своей драмой это произведение, по всей вероятности, выходит за рамки традиционной повести.

Примечания

- 1 Hosking, G.: A History of the Soviet Union. London 1985. 464.
- 2 Brown, D.: Soviet Russian Literature since Stalin. Cambridge 1976. 146.
- 3 Ожегов, С.: Словарь русского языка. Москва 1975.
- 4 Белинский, В.: Полное собрание сочинений. Москва 1953. Том 1. с. 271-2.
- 5 Залыгин, С.: "Повести Валентина Распутина" в Распутии, В.: Повести. 3-ье издание. Москва 1980. с.3.
- 6 Орлов, В.: Альтист Данилов. Новый мир. Москва 1980. № 2.
- 7 Литературная газета. Москва 1985. № 36. с.3 и № 37, с. 3. И другие номера Литературной газеты.
- 8 Распутии, В.: Повести (примечание 5), с. 16.
- 9 Там же, с. 33.
- 10 Там же, с. 138.
- 11 Carr, E.: The Bolshevik Revolution. Vol. I. London (Pelican) 1966, 356 - 357.
- 12 Распутии, В.: Повести. с. 132.
- 13 Там же, с. 162.
- 14 Там же, с. 127.
- 15 Там же, с. 33.
- 16 Вопросы литературы. Москва 1977. № 2. с. 69.
- 17 Там же, с. 76.
- 18 Повести, с. 54.
- 19 Там же, с. 109.
- 20 Померанцева, Е.: Мифологические персонажи в русском фольклоре. Москва 1975. с. 47.
- 21 Повести. с. 42.
- 22 Там же, с. 119.
- 23 Там же, с. 45, с. 159-160.